

¹⁷ Речь, 1917, № 129, 4. VI.¹⁸ Письмо на обороте акварели Волошина, датированной 10.I. 1929. — Собрание Т. Н. Жуковской (Москва).¹⁹ ИРЛИ, библиотека. 94⁵/50.

II. НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО БЛОКА К М. А. ВОЛОШИНУ

Сообщение Р. Б. В а л ь б е

До сих пор было известно только одно письмо Блока к М. А. Волошину — от 6 января 1907 г., содержащее приглашение на чтение пьесы «Незнакомка» (оно приведено выше, в сообщении В. П. Купченко).

Публикуемое нами другое письмо Блока обнаружено в архиве Елизаветы Яковлевны Эфрон (1885—1976) — режиссера и педагога художественного слова. Е. Я. Эфрон и ее семью соединяла с Волошиным тесная и долговременная дружба. С этим связано возникновение своеобразной коммуны, получившей шутовское название — «обормотник». Коммуна эта была создана летом 1911 г. в Коктебеле. Ядро ее составили М. А. Волошин, его мать Елена Оттобальдовна, сестры Эфрон — Елизавета и Вера, их брат Сергей и его будущая жена Марина Ивановна Цветаева. Осенью 1911 г. Эфроны, Марина Цветаева и Е. О. Волошина поселились вместе в Москве. Волошин, находившийся в это время в Париже, писал Е. Я. Эфрон 30 октября 1911 г.: «О Вашем обормотском житии (<...> я думаю как о доме» (ЦГАЛИ, ф. Е. Я. Эфрон). Состав «обормотника» менялся, менялся и его адрес. Но неизменно в течение 1911—1916 гг. с наступлением холодных месяцев поселялась здесь Е. О. Волошина. Сюда же возвращался из заграничных поездок и сам Волошин.

Царицей «обормотника» или «Царь-Девницей обормотской» шутовски титуловали Е. Я. Эфрон. Сохранилась рукописная книжечка, куда рукой Волошина вписано посвященное ей стихотворение:

Л и л я

Полет ее собачьих глаз
Огромных грустных и прекрасных,
И сила токов неогласных
Двух близких и враждебных рас,
И звонкий смех, неудержимо
Вскипающий как своп огней —
Неволит всех спешащих мимо
Шаги замедлить перед ней.
Тяжелый стан бескрылой птицы
Ее стесняет и гнетет,
Но шея гордый поворот,
Но глаз крылатые ресницы,
Но вознесенный мгlistый лоб,
Но музыкальность скорбных линий —
Прекрасны...

Ей родиться шло б
Цыганкой или герцогиней...
Все платья кажутся на ней
Одеждой нищенской и сирой,
А рубище ее — порфирой
Сладеет с царственных плечей.
В ней все свободно, своервно:
Обида, смех и гнев «всерьез»,
Обман, свершенный слишком явно,
Копна нечесаных волос,
Величие и обормотство,
И мстительность, и доброта...
Но несканна красота
И нет в моем портрете сходства.

28 янв. 1913 г.

М а к с

В начале апреля 1916 г. Волошин возвратился из Франции через Петербург в Москву, затем в Коктебель. В Петербурге он встречался с жившей там в это время Е. Я. Эфрон. Уезжая в Москву в середине апреля, он поручил ей передать Блоку свою вышедшую в марте этого года в Москве, в издательстве «Зерна», книгу «Anno mundi ardentis» («В год пылающего мира») с дарственной надписью (книга эта ныне находится в библиотеке ИРЛИ, дарственная надпись приведена в сообщении В. П. Купченко).

Е. Я. Эфрон передала Блоку книгу, по всей вероятности, между 17 и 29 апреля. Письмо было отправлено Блоком по адресу: Москва, М. Молчановка, 8, кв. 27; пришло в Москву 1 мая. Впоследствии по просьбе Е. Я. Эфрон письмо Блока было ей подарено Волошиным (ныне хранится в ЦГАЛИ).

«29 апреля 1916.

Дорогой Максимилиан Александрович.

Спасибо Вам за книгу, любезно переданную мне незнакомой дамой. Я не могу дать Вам подробного отчета; мы — очень разные, потому мне запомнится из этой книги, вероятно, не главное; а именно — «Реймская Богоматерь», несколько описаний Парижа в дни войны и «Под знаком Льва».

Третье же седмиглавие говорит мне меньше всего; может быть, потому что для меня настал «холодный белый день».

Жму Вашу руку

Александр Блок

Стихи, вошедшие в книгу «Anno mundi ardentis», написаны в 1914—1915 гг. в Дорнахе и Париже.

В критике тема книги определялась как «современная война с точки зрения мировой, даже космической», как «осуществление мистических откровений» в этой войне (Валерий Брюсов¹); отмечали, что автор пишет не о «сражениях» и не о «героических подвигах», а о «гигантской тени» войны, «которая лежит на наших городах и наших душах, которая неуловимо окрасила и парижскую весну» (Георгий Иванов²).

Книга разделена на три части: I. Внутренние голоса. II. Солнечные сплетения. III. Армагеддон. Каждая часть предваряется четверостишием-эпиграфом и включает в себя семь стихотворений. (Отсюда определение Блока «седмиглавие»).

Отмеченное Блоком стихотворение «Под знаком Льва» включено в первую часть. Оно продолжает традиции пушкинского «Пророка»: «Томимый снами, и дремал,/ Не чужь близкой непогоды,—/ Но грянул гром, и ветр упал,/ И свет померк, И вздулись воды»... В вызвавшей наибольший интерес Блока второй части помещены остальные отмеченные им стихотворения: «Реймская Богоматерь» — о разрушении немецкими войсками знаменитого собора, и стихи о Париже в дни войны: «Париж в январе», «Парижу», «Ночь весеннего равноденствия» и «Весна». Но Блок не указывает, какие именно из них привлекли его внимание.

Третья часть книги или, как её называет Блок, седмиглавие, насыщена образами Апокалипсиса: Ангел Бездны — Аполлион; Звезда Полярная, предвещающая конец мира; Кони и Всадники; Вестник «шестикрылатый и покрытый очами с ног до головы» и т. п. По всей вероятности, это и было причиной неприятия Блоком этой части. На эту мысль наводит его запись о постановке драмы «Роза и Крест», сделанная приблизительно в это же время (в марте 1916 г.): «Одним из главных моих „вдохновений“ была *честность*, т. е. желание не провалиться „мистически“. Так, чтобы все можно было объяснить *психологически*, „просто“. События идут, как в жизни, и если они приобретают иной смысл, символический, значит, я сумел углубиться в них» (ЗК, 285).

В письме к Волошину Блок мотивирует свое отрицание тем, что для него «настал холодный белый день». «Холодный белый день» — цитата из стихотворения Вл. Соловьева: «В тумане утреннем неверными шагами...»:

...В холодный белый день дорогой одинокой,
Как прежде я иду в неведомой стране.
Рассеялся туман, и ясно видит око,
Как труден горный путь и как еще далеко,
Далеко все, что грезилось мне.
И до полуночи неробкими шагами
Все буду я идти к желанным берегам,
Туда, где на горе, под новыми звездами
Весь пламенеющий победными огнями,
Меня дождется мой заветный храм.

Известно, что это стихотворение вошло в сознание Блока очень рано, что оно переписано им в числе немногих стихотворений Вл. Соловьева в одну из рукописных тетрадей, озаглавленных «Моя декламация, роли, заметки, стихи разных поэтов, выписки из книг и пр. 1898 и позднейшие университетские времена». При ознакомлении с подлинником этой тетради³ нам удалось обнаружить, что текст первых шести строк стихотворения «В тумане утреннем» наклеен на листок этой тетради, а на обратной стороне наклеенного листка сделана выписка со ссылкой на журнал «Жизнь» № 12, 1900 (ценз. раз. — 20 декабря). Следовательно, стихотворение переписано не ранее 1901-го или самых последних дней предыдущего года.

29 апреля 1916.

Дорогой
Максимилиан
Александрович.

Спасибо Вам за книгу,
любезно переданную мне
кезыхолой Дашей. Я не
могу дать Вам подробные
отзывы; но — ошел разуме,
когда вы мне записываете
из этой книги, впрочем,
не живые; а скорее —

Результаты Голоса, статьи
отсюда Голоса и др. книг
и "Под знаком Мба."

Теперь же сдвинувшие
говорит мне больше всего;
может быть, потому, что
для нас настал холодный
белый день.

Дилу Ваму руку.

Александр Блок.

ПИСЬМО БЛОКА М. А. ВОЛОШИНУ 29 АПРЕЛЯ 1916 Г.

Автограф

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Поэтический образ «Холодный белый день» приобретает для Блока особое значение, поэт многократно о нем упоминает. Начиная с юношеского дневника и кончая публикуемым письмом 1916 г.: В «Наброске статьи о русской поэзии» (декабрь 1901 — январь 1902 гг.) отмечено: „Необъятный храм. Он белеет перед Соловьевым во всю его долгую жизнь — и в тумане утреннем, и в холодный белый день“ (VII, 32—33). 29 ноября 1902 г. Блок пишет отцу: «У многих в душе „холодный белый день“, и я часто ощущаю его...» (VIII, 48). В 1907—1908 гг. Блок часто обращается к тому же полустушию: 1 августа 1907 г. он записывает: «Уже не молод я, много „холодного белого дня“ в душе. Но и прекрасный вечер близок» (ЗК, 96). В важнейшем письме к Андрею Белому 15—17 августа 1907 г. мы находим эту же поэтическую формулу: «Теперь вся разница только в том, что надо мною — „холодный белый день“, а тогда я был «в тумане утреннем». Благодаря холоду белого дня я нахожу в себе трезвость и большую работоспособность...» (VIII, 195). В 1908 г. в «Песне Судьбы» мы опять встречаем то же многозначное для Блока полустушие Вл. Соловьева:

Все миновало: прошлое, как сон.
Завладевай душой освобожденной
Ты, белоснежная, родная Русь.
Холодный белый день.

Душа, как стень,—

Свободная от краю и до краю,
Не скованная ни единой цепью»⁴ (IV, 445).

Таким образом публикуемое письмо Блока к Волошину органически вписывается в его многократные признания о своем духовном пути. Вместе с тем, оно становится дополнительным источником для изучения взаимоотношений двух столь разных поэтов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Русская мысль», 1916, № 6.

² «Аполлон», 1916, № 6, с. 71—72.

³ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 175.

⁴ Начиная с отдельного издания «Песни Судьбы» (изд. «Алконост», 1919), вышедшего после авторской переработки пьесы, во всех изданиях печатается «Холодный бледный день». Однако в наборной рукописи значится «Холодный белый день», что дает основание предполагать в книге опечатку.